

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»?

Кружкова О.В.

Уральский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО УрГПУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Вандализм — широко распространенное явление, наносящее материальный урон и способствующее деградации городской среды, что требует проведения эффективных профилактических мер, в основе которых лежит понимание генезиса и феноменологии вандализма. Одной из базисных теорий, используемых в предотвращении вандализма, выступила теория «разбитых окон». Теория «разбитых окон» предполагает, что распространение вандальных преобразований вызвано первоначальным повреждением городской среды, сигнализирующим о возможности нарушения норм, слабости социального контроля и недостаточном наказании за нарушение норм. Незначительные признаки допустимости девиаций в городской среде (граффити, замусоривание и др.) могут способствовать распространению серьезного делинквентного поведения. В результате теория «разбитых окон» была положена в основу политики «нулевой терпимости». Высказывается обоснованная критика теории, связанная как с ее слабой доказательной базой, так и с отсутствием учета сложных причинно-следственных связей в функционировании социальных норм. В отношении вандализма ограничения теории «разбитых окон» связаны с многообразием форм вандальной активности, каждая из которых регулируется отдельной социальной нормой, отсутствием в ряде случаев у субъекта вандализма стремления к анонимности и избеганию санкционирования, тактическим характером вандализма и его тесной связью с культурными основами сообщества.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, теория «разбитых окон», городская среда, социальные нормы, граффити.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Для цитаты: Кружкова О.В. Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 26–38. DOI:10.17759/psylaw.2024140303

Vandalism. Why Doesn't the "Broken Windows" Theory Work?

Olga V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Vandalism is a widespread phenomenon that causes material damage and contributes to the degradation of the urban environment, which requires the introduction of effective preventive measures based on an understanding of the genesis and phenomenology of vandalism. One of the basic theories used in the prevention of vandalism is the "broken windows" theory. The "broken windows" theory suggests that the spread of vandal transformations is caused by initial damage to the urban environment, which signals the potential for norm violations, weak social control, and insufficient sanctioning for such violations. Minor signs of tolerance for deviance in the urban environment (graffiti, littering, etc.) may contribute to the spread of serious delinquent behavior. As a result, the "broken windows" theory has been central to the "zero tolerance" policy. There are valid criticisms of the theory, related to both its weak evidence base and its failure to account for the complex causal relationships in the operation of social norms. Regarding vandalism, the limitations of the "broken windows" theory are related to the diversity of forms of vandal activity, each regulated by separate social norms, the lack of desire for anonymity or avoidance of sanctions in some vandals, the tactical nature of vandalism, and its close connection with the cultural foundations of the community.

Keywords: vandalism, vandal behavior, broken windows theory, urban environment, social norms, graffiti.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

For citation: Kruzhkova O.V. Vandalism. Why Doesn't the "Broken Windows" Theory Work? *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 26–38. DOI:10.17759/psylaw.2024140303 (In Russ.).

Введение

В современном мире вандализм — достаточно распространенное явление, заключающееся в несанкционированном изменении среды без согласования с ее собственником или управляющим [36], содержащем в себе элементы нарушения норм морали и общепринятой ответственности, подрывающем право собственности и приносящем материальный ущерб от произведенных преобразований [12]. Формы вандализма многообразны и вариативны — от простого замусоривания общественных пространств, несанкционированной заклеивки объявлениями мест, не предназначенных для этого, сожжения, разбития и деформации объектов городской среды [18], в том числе зеленых насаждений [32], до графических преобразований среды в виде граффити, тегирования [10] и пр. Результатом вандализма становится деструкция информационной составляющей среды [8], снижение ее культурной и эстетической ценности [5], в том числе, например, приводящая к эрозии исторической памяти сообщества [7],

повышению уровня субъективного переживания небезопасности персонализированной девиантами среды [2] для людей, находящихся в ней [4; 20; 24], и иные негативные последствия.

В различных странах правовое определение вандализма вариативно [12], например, в Уголовном Кодексе Российской Федерации вандальные действия могут быть квалифицированы в зависимости от их смыслового содержания, масштаба и места совершения по 214-й статье «Вандализм», 213-й статье «Хулиганство», 243-й статье, где отводится отдельное внимание уничтожению или повреждению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также ряду статей КоАП РФ. Тем не менее все правовые нормы указывают на несанкционированные действия вандала с объектами чужой (частной, общественной, муниципальной, государственной и пр.) собственности, приводящие к трансформации ее характеристик (внешнего вида, функционирования и т. д.), но при этом не дающие существенных материальных или финансовых преимуществ субъекту вандализма, а иногда даже оказывающие на него негативное воздействие (вероятность подвергнуться агрессии, снижение качества среды жизнедеятельности и пр.) [11].

Широкое распространение явления вандализма приводит к необходимости его научного объяснения, в том числе для построения системы профилактирования [3] и противодействия его возникновению и распространению сопутствующих негативных эффектов [8; 9]. В этом контексте одной из первых упоминается теория «разбитых окон» как объяснительная основа для понимания причин и последствий несанкционированного преобразования городской среды. Возникшая в начале 80-х годов XX века, данная теория очень быстро получила популярность и была взята на вооружение не только научным сообществом, но и управляющими городским хозяйством структурами, а также органами правопорядка в США и иных странах. Применение данной теории привело к «нулевой терпимости» по отношению к признакам беспорядка или элементам девиантного поведения на улицах городов, усилению полицейского контроля и обострению социальной напряженности [14]. В итоге в последнее время все чаще стала звучать критика в адрес теории «разбитых окон», развенчивающая миф о ее универсальности, очерчивающая условия и ограничения в ее применении.

Целью представленного исследования стало выявления ограничений в применении теории «разбитых окон» в практике объяснения феномена вандализма в городской среде.

Теория «разбитых окон»

Теория «разбитых окон» (broken windows theory) впервые была представлена научному сообществу J.Q. Wilson и G.L. Kelling в статье «Broken windows: Police and neighborhood safety» в 1982 г. Ее авторы основывались на эксперименте P.G. Zimbardo 1969 года с оставленными без присмотра автомобилями, подвергающимися разграблению в зависимости от собственной сохранности и места расположения. Суть теории «разбитых окон» состоит в том, что «...если окно в здании разбито и не отремонтировано, то вскоре будут разбиты и все остальные окна... одно неотремонтированное разбитое окно является сигналом того, что это никого не волнует, и поэтому разбивание большего количества окон ничего не стоит» [35, р. 31]. То есть распространение беспорядка в виде вандализма на улицах города происходит в силу «считываемости» потенциальным вандалом наличия низкого уровня социального контроля за пространством в данной локации, когда преднамеренные (граффити, деформация объектов и пр.) или непреднамеренные (замусоривание, обветшание и пр.) изменения в качестве городской среды начинают разрастаться и распространяться на более широкие области. Теория «разбитых окон» призвана объяснить не только появление и распространение вандализма, она сосредоточена на попустительстве к мелким формам правонарушений или несо-

блюдении норм (в том числе резидуальных, характерных для отдельного локального сообщества) и последствиях этого. Авторы теории высказали мнение, что мелкие формы девиаций, отражающиеся в деструкции пространства города и беспорядке, способствуют совершению преступлений, т. е. стимулируют более серьезное делинквентное поведение.

Влияние состояния городской среды на нарушение норм и преступность, в том числе вандализм, базируется на трех факторах [17], к которым отнесены: наличие или отсутствие регулярного мониторинга состояния среды, нарушений в ее пределах социальных и правовых норм с последующим наказанием (если социальные санкции за нарушение норм менее вероятны, люди с большей вероятностью будут их нарушать) [30]; характеристика социальных сигналов и сигналов преступности (сигналы соответствия социальным нормам будут усиливать относительную важность нормативной, а не гедонистической цели, что, в свою очередь, повысит вероятность того, что люди будут действовать, подчиняясь социальным нормам или достигая просоциальных целей) [17]; влияние социальных норм и примеров следования им (подражание поведению других людей, которые демонстрируют принятые в сообществе социальные нормы) [19].

При этом распространение беспорядка в городской среде рождает среди жителей района страх за свою безопасность, а страх, в свою очередь, снижает уровень социального контроля, который могли бы осуществлять жители, что приводит к еще большей дезорганизации пространства и последующей эскалации переживания страха перед преступностью [31].

Исходя из этого, социально-психологическими механизмами, обеспечивающими действие теории «разбитых окон» в отношении вандализма, являются следующие:

- считывание чужих паттернов поведения и подражание им. Городская среда насыщена следами и образцами поведения членов локального сообщества, которые сообщают наблюдателю о принятых в данном пространстве нормах. Подражание поведению укорененных членов сообщества и следование принятым в данном социуме нормам является основой безопасности, поскольку в ином случае маркирует человека как «чужака» или «не своего». В результате вандальные действия могут совершаться под действием конформного мотива — как демонстрация лояльности сообществу и принятым в нем паттернам поведения;
- ослабление норм, приводящее к расширению границ дозволенного. Если городская среда и опыт жизнедеятельности в ней подсказывают человеку, что за отклонение от норм или прямое их нарушение наступление санкций маловероятно, то это способствует расширению диапазона его поведенческой активности за нормативные пределы, поскольку негативных последствий от этого им не прогнозируется, а риск их наступления минимален [25]. Также высокая вариативность и размытость границ норм приводит к иллюзии отсутствия ограничений и максимальной свободы в индивидуальном проявлении субъекта, когда социальная аномия способствует распространению девиантного поведения [16]. В этом случае вандальная активность может быть обусловлена широким мотивационным спектром, начиная от условно просоциального стремления несанкционированно усовершенствовать эстетику городского пространства и заканчивая эгоистичным стяжательным мотивом. Однако возможна и обратная ситуация, когда правильно и своевременно организованное информирование человека о требованиях и ограничениях по отношению к его поведению в определенной локации приводит к снижению вандальных актов и непреднамеренных повреждений пространства [37];
- считывание сигнала о слабом социальном контроле и невовлеченности сообществ в поддержание порядка, отсутствие сплоченности сообщества. Вандальные повреждения го-

родской среды и их медленное устранение считаются наблюдателем как безразличие сообщества к тому, что происходит со средой, как отказ от права управления ею или права собственности на нее. Среда опознается как «ничейная», т. е. не является «защищенным пространством» [29], следовательно, на использование данного пространства по собственному разумению может претендовать любой человек. Слабый социальный контроль также понижает субъективное ощущение риска санкций за девиантное поведение, поскольку безразличие и бездействие сообщества снимает фиксацию с факта его совершения. Вандальные акты в этой ситуации направлены, например, на маркирование пространства [15], на которое претендует индивидуальный или групповой субъект вандализма, а также являются следствием его несанкционированной эксплуатации.

Таким образом, одним из важных моментов теории «разбитых окон», положенным в основу профилактики правонарушений и вандализма, является страх субъекта перед санкциями за нарушение норм, когда опасения осуждения или иных форм наказания останавливают человека в проявлении ненормативной активности в пространстве города с четко установленными и считываемыми нормами. В то же время, если сообщество демонстрирует толерантность к вандализму, что проявляется в наличии его следов в городской среде, то и отдельный человек (даже не входящий в данное сообщество) ощущает дозволенность и безнаказанность проявления данной формы девиантного поведения.

Критика теории «разбитых окон»

Опыт внедрения теории «разбитых окон» в практику управления городским хозяйством и превенцию преступлений, полученный в 90-х и начале 2000-х годов, выявил несоответствие ожиданий от предпринимаемых мер по обеспечению порядка и реальности распространения нарушения норм, в том числе преступлений. М. Bergquist с коллегами отмечают, что «...текущее состояние теории разбитых окон можно охарактеризовать как неубедительное» [17, р. 2], требующее дополнительного изучения и экспериментального подтверждения. Основная критика теории разбитых окон касается следующих моментов.

Во-первых, авторы теории «разбитых окон» изначально не предоставили систематизированных и статистически достоверных доказательств связи между беспорядками в районах, социальным упадком и преступностью [38]. Часть исследований была построена в логике корреляционного, а не регрессионного или экспериментального дизайна [26; 34]. В результате были упущены или неверно восприняты причинно-следственные связи между повреждениями городской среды и совершаемыми в ней преступлениями, поскольку не учитывались иные социальные и экономические факторы, значимые как для качества среды, так и для поведенческой активности людей, находящихся в ней. Так, например, R.J. Sampson и S.W. Raudenbush обнаружили, что беспорядок умеренно взаимосвязан с хищническими преступлениями, но эта связь может быть обусловлена бедностью жителей района, миграционными процессами и иными социально-экономическими спецификациями городской локации. При учете перечисленных дополнительных факторов взаимосвязь оставалась значимой только в отношении грабежей, т. е. преступлений, основанных на страхе и запугивании [33]. В исследовании R.H. Konkel, D. Ratkowski и S.N. Tapp обнаружено, что беспорядок может влиять на уровень менее серьезных правонарушений (вандализм, мелкие кражи, незаконное проникновение на территорию и пр.), но не определяет уровень убийств, грабежей, поджогов, вооруженных нападений и т. п. [27].

Во-вторых, присутствуют кейсы, когда основанная на теории «разбитых окон» политика «нулевой терпимости» по отношению к графическому вандализму приводила к еще больше-

му распространению граффити в пространстве города, что продемонстрировал пример Белу-Оризонти в Бразилии [21]. Уничтожение граффити местными властями и противодействие райтерам привело к эволюционированию способов нанесения граффити в пользу более быстрых и более красочно-кричащих, а также к эскалации количества наносимых граффити взамен утраченных [22].

В-третьих, теория «разбитых окон» хорошо работает только в отношении распространения нарушений одной и той же нормы, тогда как перекрестный эффект практически отсутствует [17]. Например, мусор на улице будет приводить к тому, что люди будут еще больше мусорить и не убирать за собой, в то время как графический вандализм не будет приводить к замусориванию пространства и, наоборот, мусор на улице не будет способствовать возникновению графических повреждений на объектах городской среды в соответствующей локации. В результате политика «нулевой терпимости» в отношении незначительного нарушения порядка не приведет к искоренению преступности в соответствии с теорией «разбитых окон», поскольку последствия могут быть более разнообразными, обусловленными многочисленными факторами, кроме видимого беспорядка и нарушения норм. То же справедливо и в отношении вандализма — поскольку его проявления многообразны по форме и результатам, то одна форма вандализма не будет приводить к распространению явления в целом.

Вандализм за пределами теории «разбитых окон»

Главным и принципиально существенным ограничением теории «разбитых окон» для понимания вандализма является базирование ее объяснительного основания, с одной стороны, на подражании, а с другой — на страхе санкционирования, когда анонимность субъекта вандализма в ситуации нарушения норм сообщества, или конгруэнтность действий субъекта вандализма паттернам поведения сообщества в ситуации следования нормам являются залогом его безопасности.

Однако вандализм многообразен по формам проявления (замусоривание, граффити, разбиение объектов, несанкционированная реклама, наклейка объявлениями и пр.), каждая из которых регулируется отдельными нормами, а их перекрестное действие незначительно [17], следовательно, механизм подражания действует весьма ограниченно.

Кроме того, вандализм может быть не анонимен даже в условиях явного нарушения норм, когда субъект вандализма совершает действия открыто, фиксируя собственное авторство, рассчитывая на то, что окружающие будут иметь точное представление о том, кем совершен вандальный акт. В итоге любая форма вандализма может быть реализована анонимно или открыто, т. е. заявительно, когда анонимность нежелательна или даже недопустима для субъекта вандализма.

Вандализм — это инструментальная девиация, которая может сопровождать иные формы девиантного или делинквентного поведения или быть их следствием, а может тактически использоваться для достижения личных целей субъекта, в том числе в условиях недоступности иных легитимных инструментов для выражения гражданской или личной позиции. При этом тактическая функция вандализма выполняется вне зависимости от его формы. В ситуации жестких социальных запретов и ограничений свободы индивидуального проявления вандализм становится инструментом выражения протеста: например, применяя граффити, райтеры бросают вызов официальным структурам управления городским хозяйством, заявляя свое право на город [1], в том числе его номинацию [13], делая это дерзко и открыто, на адреналине [23], когда важно, чтобы не поймали, но знали, кто является автором, кто претендует на городское пространство.

Фиксация авторства и пренебрежение анонимностью при совершении вандализма возможны и в случае индивидуальной «погони за славой», когда вандальные акты — это заявление о себе, «празднование себя» [28], попытка зафиксировать свое присутствие в городском и социальном пространстве, обозначить, что «я есть». В частности, авторы тегов, бомбинга, граффити через свои творения наполняют городское пространство своими именами (никнеймами), демонстрируя собственную искусность, смелость, позицию, чтобы их заметили, узнали, оценили [21]. Безусловно, известность и оценку авторы граффити ждут, как правило, не от всех окружающих жителей города, а сосредоточены на своей субкультурной группе, являющейся референтной для них [6]. В исключительных случаях вандальный акт может совершаться для получения «геростратовой славы» среди широких масс людей с надеждой запомниться надолго, выйти за пределы собственного бытия, оставив память о себе через вопиющий акт вандализма. В этом случае анонимность вандального акта также нежелательна и недопустима для субъекта вандализма.

Стоит также учитывать, что графический вандализм, в частности граффити, является не столько признаком физического разложения и деградации городского пространства, сколько показателем культурной и социальной активности отдельных групп [21]. Например, в российских мегаполисах характерно широкое распространение графического вандализма в окрестностях креативных кластеров или штаб-квартир городских креативных проектов («Дизайн-завод “Флакон”» в Москве, «Севкабель Порт» в Санкт-Петербурге, «Кластер Л52» в Екатеринбурге и др.). Однако распространение вандальной активности здесь происходит отнюдь не из-за считываемого слабого социального контроля или допустимого нарушения норм без последующего санкционирования, что предполагает теория «разбитых окон». Механизм распространения вандальных преобразований среды вызван сосредоточением в этих локациях и вокруг них большого числа уличных художников и их последователей, когда отдельные творческие идеи и заявления они реализуют не только в санкционированном пространстве, но и выходят за его пределы, расширяя их, экспансируя субкультурную эстетику и мировоззрение на близлежащие городские пространства, используя их как холст.

Выводы

Предлагаемое исследование направлено на обсуждение ограничений теории «разбитых окон» в объяснении возникновения и распространения вандальных повреждений городской среды. Несмотря на широкую популярность данной теории в объяснении беспорядков и преступности в пространстве города, а также превенции их посредством политики «нулевой терпимости», исследования последних двух десятилетий заставляют сомневаться в ведущей роли соблюдения или нарушения видимых значимых норм в условиях различного уровня социального контроля и вовлеченности сообщества в реализацию девиантного поведения, в том числе вандализма. Данные сомнения базируются как на слабой доказательной базе самой теории «разбитых окон», так и на понимании сложной природы вандального поведения. Вандализм имеет множество форм проявления, но каждая из них чаще всего выступает инструментом для достижения иных, чем просто изменение/повреждение элементов городской среды, целей. Тактический характер вандализма зачастую не подразумевает страха наказания, не предполагает стремления к анонимности или подражания в нарушении норм. Следовательно, применение основывающейся на теории «разбитых окон» политики «нулевой терпимости» в профилактике вандализма не ведет к его полному искоренению, а в некоторых случаях провоцирует рост вандальной активности в городской среде.

Таким образом, перспективы дальнейшего исследования вандализма базируются на разработке более универсальной для многообразных видов вандализма теоретической основы, но более специфичной в отношении широкого спектра девиаций, фокусирующейся именно на вопросах вандального поведения. Данная основа может стать фундаментом эффективных профилактических мероприятий в городской среде для предотвращения деградации и несанкционированного изменения городских пространств.

Литература

1. Аль-Амери Д.Х., Исмаиля Х.Б. Граффити, революция и городская среда [Электронный ресурс] // Проект Байкал. 2024. № 1 (79). С. 74–80. doi:10.51461/issn.2309-3072/77.2289
2. Бабаева В.А. «Теория разбитых окон»: понятие и история применения на практике Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 2022. № 2-1. С. 172–176. doi:10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi19
3. Ганижева Х.М. Проектирование образовательной системы взаимодействия с молодежными девиациями в рамках «теории разбитых окон» // Вопросы педагогики. 2022. № 5-2. С. 46–50.
4. Злоказов К.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., Шахматов А.В. Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77–93. doi:10.17759/psylaw.2021110306
5. Ильин А.М., Бирюкова Е.Е. Вандализм и архитектура: приемы борьбы на примере благоустройства общественных пространств // Мир современной науки. 2018. № 6 (52). С. 32–36.
6. Кобыща В.В. Конфликты вокруг культурных объектов: подходы к исследованию и их проблематизация (на примере граффити) [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 170–184. doi:10.14515/monitoring.2015.6.11
7. Коробицына Л.В., Кружкова О.В. Историко-культурный вандализм как механизм трансформации исторической памяти [Электронный ресурс] // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 315–325. doi:10.21267/aquilo.2023.85.85.016
8. Кружкова О.В., Бабилова М.Р., Робин С.Д. Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Научный диалог. 2024. Том 13. № 2. С. 96–117. doi:10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117
9. Кружкова О.В., Бабилова М.Р., Робин С.Д. Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2024. Том 26. № 6. С. 68–94. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-68-94
10. Литвин Е.А. Граффити в итальянских городах как лингводидактический материал [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Том 4. № 3. С. 87–107. doi:10.17759/langt.2017040310
11. Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В., Ростокинский А.В., Калиновская В.С. Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224–234. doi:10.17759/psylaw.2020100315
12. Павлов В.Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 95–100.
13. Радина Н.К., Крупная Д.А. Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов)

- [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 172–195. doi:10.14515/monitoring.2022.5.2098
14. Сергеевнин В.А. Роль теории разбитых окон в декриминализации городской среды обитания // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 2 (2). С. 112–118.
  15. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. СПб: Речь, 2008. 384 с.
  16. Усова О.В., Усов В.В., Костина Н.Б., Дуран Т.В. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Образование и наука. 2021. Том 23. № 5. С. 164–192. doi:10.17853/1994-5639-2021-5-164-192
  17. Bergquist M., Helferich M., Thiel M., Hellquist S., Skipor S., Ubianuju W., Ejelövl E. Are broken windows spreading? Evaluating the robustness and strengths of the cross-norm effect using replications and a meta-analysis // Journal of Environmental Psychology. 2023. Vol. 88(6). doi:10.1016/j.jenvp.2023.102027
  18. Björkvall A., Archer A. Semiotics of destruction: Traces on the environment // Visual Communication. 2021. Vol. 21(2). doi:10.1177/1470357220957375
  19. Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: Compliance and conformity // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55(1). P. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015
  20. Crosby F., Hermens F. Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2019. Vol. 72(3). P. 599–615. doi:10.1177/1747021818769203
  21. Alves Diniz A.M., Mark C.S. Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory // Applied Geography. 2021. Vol. 131(2). doi:10.1016/j.apgeog.2021.102459
  22. Alves Diniz A.M., Ferreira R.G.B., Alcântara S.A. Pichação, paisagem e território no Hipercentro de Belo Horizonte // Cadernos de Arquitetura e Urbanismo. 2015. Vol. 22(30). P. 85–103.
  23. Ferrell J. Urban Graffiti: Crime, Control, and Resistance // Youth and Society. 1995. Vol. 27(1). P. 73–92.
  24. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS // Landscape and Urban Planning. 2022. Vol. 198(4). doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
  25. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. Doing field studies. What is it all about? // Group Processes & Intergroup Relations. 2014. Vol. 17(3). P. 404–410. doi:10.1177/1368430213510750
  26. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. The Spreading of Disorder // Science. 2008. Vol. 322. P. 1681–1685. doi:10.1126/science.1161405
  27. Konkel R.H., Ratkowski D., Tapp S.N. The Effects of Physical, Social, and Housing Disorder on Neighborhood Crime: A Contemporary Test of Broken Windows Theory // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2019. Vol. 8. doi:10.3390/ijgi8120583
  28. Macdonald N. The graffiti subculture: Youth, masculinity and identity in London and New York. New York: Springer, 2001. 256 p.
  29. Newman O. Defensible Space: Crime Prevention through Urban Design. New York: Macmillan, 1972. 264 p.

30. O'Brien D.T., Farrell C., Welsh B.C. Broken (windows) theory: A meta-analysis of the evidence for the pathways from neighborhood disorder to resident health outcomes and behaviors // *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 228. P. 272–292. doi:10.1016/j.socscimed.2018.11.015
31. Ranasinghe P. Jane Jacobs' framing of public disorder and its relation to the 'broken windows' theory // *Theoretical Criminology*. 2012. Vol. 16(1). P. 63–84. doi:10.1177/1362480611406947
32. Richardson E., Shackleton C.M. The extent and perceptions of vandalism as a cause of street tree damage in small towns in the Eastern Cape, South Africa // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2014. Vol. 13(3). P. 425–432. doi:10.1016/j.ufug.2014.04.003
33. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105(3). P. 603–651. doi:10.1086/210356
34. Willis C. Graffiti in contemporary Rome: Why reductive solutions will fail and why that's a good thing // *Journal of Art Crime*. 2013. Vol. 9. P. 31–44.
35. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: Police and neighborhood safety // *Atlantic Monthly*. 1982. Vol. 249(3). P. 29–38.
36. Wise J. A gentle deterrent to vandalism // *Psychology Today*. 1982. Vol. 16(9). P. 28–31.
37. Yang T.-H. The effectiveness of information signs in deterring visitor vandalism // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2024. Vol. 45(4). doi:10.1016/j.jort.2023.100731
38. Young A. *Street art, public city: Law, crime and the urban imagination*. London: Routledge, 2013. 192 p.

References

1. AlAmeri J.H., Ismaila H.B. Graffiti, revolyutsiya i gorodskaya sreda [Graffiti, revolution and urban environmen] [Elektronnyi resurs]. *Proekt Baikal = Project Baikal*, 2024, no. 1 (79), pp. 74–80. doi:10.51461/issn.2309-3072/77.2289 (In Russ.).
2. Babaeva V.A. "Teoriya razbitykh okon": ponyatie i istoriya primeneniya na praktike Soedinyenykh Shtatov Ameriki [Broken Windows Theory: Concept and History of Practical Application in the United States of America] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, 2022, no. 2-1, pp. 172–176. doi:10.31166/VoprosyIstorii202202Statyi19
3. Ganizheva Kh.M. Proektirovanie obrazovatel'noi sistemy vzaimodeistviya s molodezhnymi devyatsiyami v ramkakh "teorii razbitykh okon". *Voprosy pedagogiki = Voprosy Pedagogiki*, 2022, no. 5-2, pp. 46–50. (In Russ.).
4. Zlokazov K.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G., Shakhmatov A.V. Gorodskoi vandalizm v vospriyatii molodezhi: empiricheskoe issledovanie atributsii ego prichin [Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77–93. doi:10.17759/psylaw.2021110306 (In Russ.).
5. Il'in A.M., Biryukova E.E. Vandalizm i arkhitektura: priemy bor'by na primere blagoustroistva obshchestvennykh prostranstv. *Mir sovremennoi nauki = Mir Sovremennoi Nauki*, 2018, no. 6 (52), pp. 32–36. (In Russ.).
6. Kobyshecha V.V. Konflikty vokrug kul'turnykh ob"ektov: podkhody k issledovaniyu i ikh problematizatsiya (na primere graffiti) [The conflict over cultural objects: approaches to research and problematization, on example of graffiti] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 6, pp. 170–184. doi:10.14515/monitoring.2015.6.11 (In Russ.).

7. Korobitsyna L.V., Kruzhkova O.V. Istoriko-kul'turnyi vandalizm kak mekhanizm transformatsii istoricheskoi pamyati [Historical and Cultural Vandalism as a Mechanism of Historical Memory Transformation] [Elektronnyi resurs]. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2023, no. 85, pp. 315–325. doi:10.21267/aquilo.2023.85.85.016 (In Russ.).
8. Kruzhkova O.V., Babikova M.R., Robin S.D. Vandal'no nanesennye teksty: potentsial "myagkoi sily" [Vandalized Texts: Soft Power Potential] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnyi dialog = Nauchnyi Dialog*, 2024. Vol. 13, no. 2, pp. 96–117. doi:10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117 (In Russ.).
9. Kruzhkova O.V., Babikova M.R., Robin S.D. Osobennosti vospriyatiya uchashchimisya gorodskikh graffiti s vyrazhennym vospitatel'nym potentsialom [Features of students' perceptions of urban graffiti with significant educational potential] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2024. Vol. 26, no. 6, pp. 68–94. doi:10.17853/1994-5639-2024-6-68-94 (In Russ.).
10. Litvin E.A. Graffiti v ital'yanskikh gorodakh kak lingvodidakticheskii material [Graffiti in Italian cities as a linguistic material] [Elektronnyi resurs]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2017. Vol. 4, no. 3, pp. 87–107. doi:10.17759/langt.2017040310 (In Russ.).
11. Nikolaeva Yu.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A.V., Rostokinskiy A.V., Kalinovskaya V.S. Issledovanie osobennostei molodezhnogo vandalizma i vyrabotka instrumentariya ego profilaktiki [Research of Features of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224–234. doi:10.17759/psylaw.2020100315 (In Russ.).
12. Pavlov V.G. Voprosy otvetstvennosti za vandalizm v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve [Questions of responsibility for vandalism in the foreign criminal legislation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2014, no. 4 (25), pp. 95–100. (In Russ.).
13. Radina N.K., Krupnaya D.A. Realizuya pravo na gorod: interpretatsii i nominatsiya gorodskikh ob"ektov gorozhanami (na materiale ergourbanonimov nestolichnykh megapolisov) [Realizing the Right to the City: Interpretations and Nomination of Urban Objects by Citizens (Based on Ergourbanonyms of Non-Metropolitan Cities)] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 5, pp. 172–195. doi:10.14515/monitoring.2022.5.2098 (In Russ.).
14. Sergevnin V.A. Rol' teorii razbitykh okon v dekriminalizatsii gorodskoi srede obitaniya [The Role of the Theory of Broken Windows in the Decriminalization of the Urban Environment]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentsiarnoe Pravo: Yuridicheskaya Teoriya i Pravoprimeritel'naya Praktika*, 2014, no. 2 (2), pp. 112–118. (In Russ.).
15. Smolova L.V. Vvedenie v psikhologiyu vzaimodeistviya s okruzhayushchei sredoi. Saint Petersburg: Rech', 2008. 384 p. (In Russ.).
16. Usova O.V., Usov V.V., Kostina N.B., Duran T.V. Deviantnoe povedenie podrostkov kak proyavlenie individual'noi anomii: sotsial'nyi i gendernyi aspekty problem [Deviant behaviour of adolescents as a manifestation of individual anomie: Social and gender aspects of the problem] [Elektronnyi resurs] // *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2021. Vol. 23, no. 5, pp. 164–192. doi:10.17853/1994-5639-2021-5-164-192 (In Russ.).
17. Bergquist M., Helferich M., Thiel M., Hellquist S., Skipor S., Ubianuju W., Ejelövl E. Are broken windows spreading? Evaluating the robustness and strengths of the cross-norm effect using rep-

- lications and a meta-analysis. *Journal of Environmental Psychology*, 2023. Vol. 88, no. 6. doi:10.1016/j.jenvp.2023.102027
18. Björkqvall A., Archer A. Semiotics of destruction: Traces on the environment. *Visual Communication*, 2021. Vol. 21, no. 2. doi:10.1177/1470357220957375
19. Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: Compliance and conformity. *Annual Review of Psychology*, 2004. Vol. 55, no. 1, pp. 591–621. doi:10.1146/annurev.psych.55.090902.142015
20. Crosby F., Hermens F. Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2019. Vol. 72, no. 3, pp. 599–615. doi:10.1177/1747021818769203
21. Alves Diniz A.M., Mark C.S. Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory. *Applied Geography*, 2021. Vol. 131, no. 2. doi:10.1016/j.apgeog.2021.102459
22. Alves Diniz A.M., Ferreira R.G.B., Alcântara S.A. Pichação, paisagem e território no Hipercentro de Belo Horizonte. *Cadernos de Arquitetura e Urbanismo*, 2015. Vol. 22, no. 30, pp. 85–103.
23. Ferrell J. Urban Graffiti: Crime, Control, and Resistance. *Youth and Society*, 1995. Vol. 27, no. 1, pp. 73–92.
24. Gargiulo I., Garcia X., Benages-Albert M., Martinez J., Pfeffer K., Vall-Casas P. Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. *Landscape and Urban Planning*, 2022. Vol. 198, no. 4. doi:10.1016/j.landurbplan.2020.103779
25. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. Doing field studies. What is it all about? *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17, no. 3, pp. 404–410. doi:10.1177/1368430213510750
26. Keizer K., Lindenberg A., Steg L. The Spreading of Disorder. *Science*, 2008. Vol. 322, pp. 1681–1685. doi:10.1126/science.1161405
27. Konkel R.H., Ratkowski D., Tapp S.N. The Effects of Physical, Social, and Housing Disorder on Neighborhood Crime: A Contemporary Test of Broken Windows Theory. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 2019. Vol. 8. doi:10.3390/ijgi8120583
28. Macdonald N. The graffiti subculture: Youth, masculinity and identity in London and New York. New York: Springer, 2001. 256 p.
29. Newman O. Defensible Space: Crime Prevention through Urban Design. New York: Macmillan, 1972. 264 p.
30. O'Brien D.T., Farrell C., Welsh B.C. Broken (windows) theory: A meta-analysis of the evidence for the pathways from neighborhood disorder to resident health outcomes and behaviors. *Social Science & Medicine*, 2019. Vol. 228, pp. 272–292. doi:10.1016/j.socscimed.2018.11.015
31. Ranasinghe P. Jane Jacobs' framing of public disorder and its relation to the 'broken windows' theory. *Theoretical Criminology*, 2012. Vol. 16, no. 1, pp. 63–84. doi:10.1177/1362480611406947
32. Richardson E., Shackleton C.M. The extent and perceptions of vandalism as a cause of street tree damage in small towns in the Eastern Cape, South Africa. *Urban Forestry & Urban Greening*, 2014. Vol. 13, no. 3, pp. 425–432. doi:10.1016/j.ufug.2014.04.003
33. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods. *American Journal of Sociology*, 1999. Vol. 105, no. 3, pp. 603–651. doi:10.1086/210356
34. Willis C. Graffiti in contemporary Rome: Why reductive solutions will fail and why that's a good thing. *Journal of Art Crime*, 2013. Vol. 9, pp. 31–44.

Кружкова О.В.
Вандализм. Почему не работает
теория «разбитых окон»?
Психология и право. 2024. Том 14. № 3. С. 26–38

Kruzhkova O.V.
Vandalism. Why Doesn't
the "Broken Windows" Theory Work?
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 3, pp. 26–38

35. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken windows: Police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*, 1982. Vol. 249, no. 3, pp. 29–38.
36. Wise J. A gentle deterrent to vandalism. *Psychology Today*, 1982. Vol. 16, no. 9, pp. 28–31.
37. Yang T.-H. The effectiveness of information signs in deterring visitor vandalism. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, 2024. Vol. 45, no. 4. doi:10.1016/j.jort.2023.100731
38. Young A. Street art, public city: Law, crime and the urban imagination. London: Routledge, 2013. 192 p.

Информация об авторах

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, лаборатория перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО УрГПУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Kruzhkova, PhD in Psychology, Docent, Head, Laboratory of Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2569-8789>, e-mail: galiat1@yandex.ru

Получена 17.04.2024
Принята в печать 17.07.2024

Received 17.04.2024
Accepted 17.07.2024